

Михаил Исаев

Мрак

Михаил Исаев

Мрак

<https://litres.ru/74608594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дмитрий Каверин - обычный ремонтник в городе под куполом. Каждое утро он просыпается от того, что барьер трещит. Каждое утро он смотрит в окно на мрак за стеклом - и мрак смотрит в ответ. Каждое утро он идет на смену, чинит кабели, ест кашу и обнимает дочь. Он не задает вопросов. Потому что все вокруг живут так же. Потому что так надо. Потому что так безопаснее.

Содержание

Пролог. Двадцать лет назад	5
Глава 1. Последний ремонтник	21
Глава 2. Водозабор	44
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Михаил Исаев

Мрак

МРАК

Роман

Оглавление

Пролог. Двадцать лет назад

Глава 1. Последний ремонтник

Глава 2. Водозабор

Интерлюдия I. Проект

Глава 3. Миллион глаз

Глава 4. Цитадель

Интерлюдия II. Двадцать лет. Дмитрий

Интерлюдия III. Двадцать лет. Олег

Глава 7. Проект

Глава 8. Последние

Глава 9. Олег

Эпилог

Пролог. Двадцать лет назад

Белый кабинет был последним местом на земле, где ещё пахло кофе.

Дмитрий сидел за столом и смотрел в окно. За стеклом — серый день, дождь, город. Настоящий город. Мокрые крыши, пустые улицы, деревья без листьев. Ветер гнал по асфальту обрывки бумаги, и они цеплялись за бордюры, как утопающие за берег. Город умирал медленно. Не так, как в фильмах — не в огне, не в панике. Просто тихо. Просто пусто. Просто дождь.

Дмитрий знал этот город всю жизнь. Он родился здесь. Учился здесь. Встретил здесь Ирину. Здесь родилась Аня. Здесь он построил первую версию Тартара — в подвале института, на старых серверах, которые гудели так громко, что соседи жаловались. Он помнил, как Аня — пятилетняя — сидела у него на коленях и смотрела на экран. «Пап, а что это?» — спрашивала она. «Это мир, — говорил он. — Мир, который я делаю». — «А зачем?» — «Чтобы люди могли жить. Когда снаружи станет нельзя». Она кивала. Она не понимала. Но она кивала. Потому что верила ему. Потому что он был её отцом.

Теперь этот город был мёртв.

Дмитрий смотрел на него и не чувствовал ничего. Ни боли. Ни страха. Ни жалости. Только холод. Холод в груди. Холод в руках. Холод в голове. Как будто он сам стал частью этого города. Как будто он тоже умер. Только не заметил.

Дверь открылась. Ирина вошла. Она не постучала — она никогда не стучала в этот кабинет. Это был их кабинет. Их институт. Их проект. Их жизнь. Всё, что у них было.

Она была красивая. Даже сейчас. Даже в этом сером свете. Даже с красными от слёз глазами. Молодая. С распущенными волосами. В белом халате, который она не снимала даже дома. Она была красивая. И она смотрела на него так, как смотрят на человека, которого любят. И которого уже потеряли.

— Ты не можешь так поступить, — сказала она.

Дмитрий не обернулся. Он смотрел в окно. На дождь. На мёртвый город. На всё, что они потеряли.

— Ты не можешь просто взять и уйти, — сказала она. — Ты нужен здесь. Проект не готов. Люди не готовы.

— Проект готов, — сказал он. — Я закончил его вчера.

— Ты закончил архитектуру. Но не ядро. Ядро нестабильно. Мы не можем запускать.

— Можем. Если я войду.

Пауза. Долгая. Она стояла в дверях. Он сидел у окна. Между ними был стол. Между ними была жизнь. Между ними было двадцать лет.

— Нет, — сказала она. — Нет, Дмитрий. Это самоубийство. Ты не вернёшься.

— Я и не собираюсь возвращаться.

Она шагнула в кабинет. Дверь за ней закрылась — тихо, без стука. Она подошла к столу. Положила ладони на столешницу. Наклонилась. Посмотрела ему в глаза.

— Что ты задумал?

Он посмотрел на неё. Впервые за весь день. Впервые за много дней. Впервые за много лет. Он смотрел на неё — на женщину, которую любил. На женщину, которая любила его.

На женщину, которая была с ним всё это время. Которая держала его, когда он падал. Которая верила в него, когда он не верил. Которая оставалась, когда он убегал.

И он понял, что должен сказать ей правду. Не всю. Но часть. Хотя бы часть.

— Я не могу больше смотреть, — сказал он. — На них. На то, как они живут. Как они верят. Как они ждут. Я не могу.

— О чём ты?

— О них. О миллионе. О тех, кого мы загрузили. Они думают, что спаслись. Они думают, что живут. Они думают, что когда-нибудь вернутся. А мы знаем, что нет. Мы знаем, что снаружи — мёртво. Мы знаем, что назад дороги нет. И мы молчим. Мы держим их в темноте. И говорим: «Всё будет хорошо».

— Мы даём им надежду.

— Мы даём им ложь.

Она отступила. Медленно. Как будто он ударил её. Может, и ударил. Словами. Правдой. Тем, что они оба знали, но боялись сказать.

— И что ты предлагаешь? — спросила она тихо.

— Я войду. И я всё исправлю.

— Как?

— Я не знаю. — И это была правда. Он не знал. Он знал только, что должен. Что не может больше сидеть здесь. Что не может больше смотреть на мониторы. Что не может больше жить, зная, что миллион человек — в цифре. В темноте. В лжи. И что он — тот, кто их туда поместил.

— Это не ответ, — сказала она.

— Это всё, что у меня есть.

Она смотрела на него. Долго. Очень долго. И в этом взгляде было что-то, чего он не видел раньше. Что-то, что было похоже на страх. Не за себя. За него.

— А Аня? — спросила она.

Он замер.

Вот оно. Вот то, чего он боялся. Вот то, о чём он не хотел

думать. Вот то, что он откладывал. Каждый день. Каждую ночь. Каждый час.

— Что Аня? — спросил он.

— Ты создал её в ядре. Она — часть системы. Если ты войдёшь — если ты что-то изменишь — она может пострадать.

— Я не собираюсь ничего менять. Я собираюсь только посмотреть. Понять. Решить.

— Ты уже решил.

— Нет.

— Решил. Я вижу. Ты всегда так делаешь. Ты решаешь, а потом говоришь, что не решал.

Он молчал. Потому что она была права. Потому что он действительно решил. Потому что он всегда так делал.

— Что мне делать? — спросила она. — Если ты уйдёшь. Что мне делать?

— Ждать. Ты будешь держать систему снаружи. Ты бу-

дешь Хранительницей. А когда придёт время — ты меня разбудишь.

— Как?

— Я оставлю ключ. — Он достал из кармана кубик. — И я оставлю друга. Олега. Он знает, что делать. Он напомнит мне, если я забуду. Он заставит меня, если я откажусь.

— Откажусь от чего?

Он не ответил. Он смотрел на кубик. На гладкие грани. На тусклый синий свет внутри. И в этом свете он видел всё. Всё, что будет. Всё, что случится. Все двадцать лет.

— Откажусь от того, что должен сделать, — сказал он наконец.

— А что ты должен сделать?

Он посмотрел на неё. Долго. Очень долго. И в этом взгляде было что-то, чего она никогда не видела. Что-то очень холодное. Что-то очень спокойное. Что-то, что знает ответ на все вопросы и молчит.

— Ты узнаешь, — сказал он. — Когда придёт время.

Она отступила. Ещё на шаг. Ещё. И в её глазах был страх. Настоящий. Человеческий.

— Ты что-то задумал, — сказала она. — Что-то страшное. Я чувствую.

— Я задумал их освободить.

— Или убить.

— Освободить — это не убить.

— Иногда — одно и то же.

Он не ответил.

Она смотрела на него. Долго. Потом сказала — очень тихо:

— Я тебя ненавижу.

— Знаю.

— За то, что ты уходишь. За то, что оставляешь. За то, что решаешь за всех. За то, что никогда не спрашиваешь.

— Прости.

— Не говори этого. Не говори того, чего не чувствуешь.

— Я чувствую.

— Нет. Ты не чувствуешь. Ты никогда не чувствовал. Ты всегда только думал. Ты — архитектор. Ты строишь. Ты решаешь. Ты не живёшь.

Он молчал. Потому что она была права. Потому что он действительно не жил. Потому что он действительно только строил. И решал. И не спрашивал.

Она повернулась. Пошла к двери. У порога остановилась. Обернулась. Посмотрела на него — последний раз. Как смотрят на человека, которого больше не увидят.

— Почему я? — спросила она вдруг. — Почему не Олег? Почему не кто-то другой?

Он посмотрел на неё. Долго. И в этом взгляде было что-то, чего она не видела раньше. Что-то, что было похоже на правду. Настоящую. Тяжёлую. Ту, которую он боялся сказать.

— Потому что ты — единственная, кто может, — сказал он. — Олег — инженер. Хороший. Верный. Но он не ты. Он не сможет удержать. Он сломается. Он будет ждать, но он не будет удерживать. А ты — ты поддерживала меня все это время. Ты сдержала мою тьму. Ты сдержала мой страх. Ты сдержала всё. И ты не сломалась. Ты — Хранительница. Не потому, что я так решил. А потому, что ты всегда ею была.

— Я не хочу, — сказала она. — Я не хочу быть Хранительницей. Я не хочу ждать. Я не хочу оставаться. Я хочу жить. С тобой. С Аней. Я хочу жить.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю.

— И ты всё равно уходишь.

— Да.

— И ты всё равно оставляешь меня.

— Да.

— И ты всё равно делаешь меня Хранительницей.

— Нет. — Он покачал головой. — Я прошу тебя стать ею. Это не одно и то же.

Она смотрела на него. Долго. Очень долго. И в этом взгляде было всё — ненависть, любовь, страх, надежда. Всё сразу. Всё вместе. Всё её.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я стану Хранительницей. Но не потому, что ты попросил. А потому, что я хочу. Я хочу помочь. Я хочу быть. Снаружи. Здесь. В реальности. Пока ты спишь. Потому что кто-то должен следить. Кто-то должен помнить. Кто-то должен ждать. И это — я.

Она замолчала. Смотрела на него. И в этом взгляде было всё — вся жизнь, все годы, вся боль, всё, что она держала, пока он спал.

— Я буду ждать, — сказала она. — Каждый день. Каждую ночь. Я буду смотреть на мониторы. Я буду видеть, как ты живёшь. Как ты ешь. Как ты спишь. И я не смогу дотронуться. Не смогу сказать. Не смогу разбудить.

— Ира...

— Не называй меня так. — Она подняла руку. — Ты потерял право. Когда решил уйти. Когда решил всё за нас. За меня. За неё. За всех.

Она открыла дверь.

— Ира, — сказал он.

Она остановилась.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что держала.

Она не обернулась.

— Я не держу, — сказала она. — Я просто жду.

И вышла.

Дверь закрылась. Он остался один. В белом кабинете. У окна. За которым умирал город. Он стоял и смотрел на дождь. И где-то очень глубоко, в самой глубине, в самом дальнем углу его сознания, что-то шевельнулось. Тихо. Знакомо. Тёмное.

Он не обратил внимания. Потому что это было всегда. Потому что это было частью его. Потому что это было им.

Он не знал, что это Мрак.

Он не знал, что это она говорит с ним. Что это она шепчет:

«Правильно. Ты прав. Иди. Сделай то, что должен».

Он не знал. Он думал, что это его мысли. Его решение. Его выбор.

Он стоял у окна. Смотрел на дождь. И думал, что спасает мир.

Ночью он пришёл в ядро.

Тартар был готов. Архитектура — идеальна. Система — стабильна. Миллион двести тысяч человек — загружены. Их тела — в криокапсулах. В бункерах. В холоде. В тишине. Они ждали. Они спали. Они не знали, что их ждёт.

Дмитрий шёл по коридору. Длинному. Белому. Гладкому. Стены пульсировали. Как вена. Как артерия. Как что-то, что гонит кровь — только не кровь, а данные. Он шёл в ядро. К колонне. К капсуле.

К Ане.

Она спала. Маленькая. Пятилетняя. Свернувшись клубком. Растрёпанные волосы. Большие глаза — закрыты. Его

дочь. Его код. Его жизнь.

Он стоял над ней. Смотрел. И в голове у него было только одно: «Я должен. Я должен. Я должен».

Он поднял руку.

И остановился.

Потому что она улыбнулась. Во сне. Улыбнулась. Как ребёнок. Как его ребёнок.

Он опустил руку. И ушёл. И вернулся. И снова поднял. И снова опустил.

Он не знал, что это Мрак. Он не знал, что это она говорит с ним. Он не знал, что это она хочет, чтобы он убил свою дочь. Он думал, что это его мысли. Его решение. Его выбор.

Он не знал.

Где-то очень далеко — за куполом, за мраком, за концом мира — женщина в белом халате сидела у монитора. Она смотрела на экран. На тонкую линию. На жёлтый индикатор.

Она ждала.

Она ждала двадцать лет. Каждый день. Каждую ночь. Она видела, как он встаёт. Как он идёт на работу. Как он возвращается. Как он ест кашу. Как он обнимает Аню. Каждый день. Двадцать лет.

Она не могла дотронуться. Не могла сказать. Не могла разбудить.

Она могла только ждать.

Индикатор мигнул.

Она наклонилась к экрану. Вгляделась. Линия пульсировала — ровно, спокойно. Но что-то изменилось. Что-то, чего она не видела двадцать лет. Что-то, чего она ждала.

Она откинулась в кресле. Закрыла глаза. И прошептала — так тихо, что никто не услышал:

— Он просыпается.

Индикатор мигнул ещё раз.

И погас.

Глава 1. Последний ремонтник

Дмитрий проснулся от того, что купол трещал.

Это был не звук. Звуки в Новограде выдавали по расписанию, как пайки, и следили, чтобы никто не брал лишнего. Это было ощущение: тонкая вибрация в костях, будто кто-то провёл ногтем по внутренней стороне черепа и оставил царапину. Так трещал барьер, когда Мрак старался его прощупать. Так он трещал каждую ночь — всё чаще, всё глубже, всё настойчивее.

Дмитрий лежал неподвижно. Глаза открыты. Потолок капсулы — два метра на метр, серый пластик, шов по центру — был покрыт сеткой трещин. Вчера их было меньше. Он считал: три новые ветки, тонкие, как паутина, и ещё одна — толстая, от угла к центру, которой вчера точно не было. Он знал этот рисунок. Не помнил откуда, но знал. Как знал, что, если трещины дойдут до шва — будет плохо.

— Доброе утро, гражданин Каверин, — сказал голос. Женский, ровный, без интонаций. Хранительница говорила со всеми одинаково — как с детьми, которых не любит, но обязана воспитывать. — Ваша смена начинается через сорок

минут. Уровень освещения: минимальный. Уровень тревоги: жёлтый.

— Принял, — сказал Дмитрий в потолок.

Он не двинулся. Лежал и слушал, как в капсуле гудит воздух — старый, спёртый, с привкусом металла. Воздух в Новограде тоже был ресурсом. Его выдавали по норме, и, если ты дышал слишком часто, Хранительница могла сделать замечание.

Капсула разошлась по швам, выпуская его в комнату — четыре на четыре, стены цвета старого льда, окно во всю стену. За окном был город.

Новоград никогда не спал, потому что здесь не было дня. Купол — гигантская полусфера из чёрного стекла — накрывал город вечной ночью. Огни фонарей, огни окон, огни прожекторов на стенах горели ровно, экономно, без тепла. Свет здесь не грел. Свет обозначал: здесь ещё живут. И чем дальше от центра, тем реже становились огни, тем тоньше — граница между жизнью и тем, что лежало за стеной.

Дмитрий оделся. Серый комбинезон ремонтника, нашивка на плече — жёлтый треугольник, вписанный в круг. Инструментальный пояс. Перчатки. Каждое утро — одно и то

же, и в этом была странная, заезженная правильность, будто он повторял движение, выученное очень давно и очень хорошо. Будто кто-то другой, очень похожий на него, одевался так же — миллион раз, в другой жизни.

Он подошёл к окну и посмотрел на мрак.

Мрак смотрел в ответ.

Это было не метафорой. За куполом, насколько хватало глаз, лежала чернота — не пустая, не мёртвая. Живая. Слоистая. Она двигалась медленно, как вода под ветром, и в её глубине иногда вспыхивали огоньки — далёкие, бледные, будто кто-то зажигал спички и тут же гасил. Дмитрий не знал, что это. Никто не знал. Официально это называлось «флуктуации Мрака», и по этому поводу следовало не беспокоиться. Следовало спать, есть, работать и не задавать вопросов.

Он задавал вопросы. Каждое утро. Молча, в окно, в никуда. И каждое утро мрак отвечал ему тем же — смотрел, ждал, не уходил.

В коридоре пахло озоном и мокрым бетоном. Соседи выходили из капсул одновременно — мужчина с женой и двумя детьми из блока напротив, старуха из двенадцатого, па-

рень-куррьер из четырнадцатого, который всегда кивал Дмитрию и никогда не говорил. Все шли к лифтам, к своим сменам, к своим пайкам. Никто не смотрел в окна. В окна здесь не смотрели — это считалось дурным тоном, будто ты пытаешься увидеть то, чего видеть не положено. Будто ты хочешь того, чего хотеть нельзя.

Дмитрий смотрел. Каждое утро.

Лифт шёл вниз, к техническому уровню. Внутри было ещё четверо. Молчание. В Новограде не разговаривали с незнакомцами — Хранительница не одобряла. Разговоры тратили ресурс, а ресурс был общим. Разговоры рождали мысли, мысли — вопросы, вопросы — то, что за куполом.

— Каверин, — сказал вдруг один из них. Мужчина лет пятидесяти, лицо серое, как стена, глаза усталые, как у всех здесь. — Ты вчера задержался на секторе Д-семь.

— Да.

— Тебе выписали выговор.

— Знаю.

Мужчина помолчал. Потом сказал тише — так тихо, что

Дмитрий едва расслышал:

— Хранительница спрашивала о тебе. Лично.

— Обо всех спрашивают.

— Нет. Не обо всех. О тебе — второй раз за месяц.

Он больше ничего не сказал. Лифт остановился, двери разошлись, и все вышли в гул технического уровня — длинного, как кишка, коридора, где по стенам шли трубы и кабели, а пол гудел от работающих внизу генераторов. Здесь было темнее, чем в жилом секторе. Здесь свет экономили особенно.

Первое, что услышал Дмитрий, — ругань. Где-то за поворотом, у распределительного щита, двое рабочих спорили о чём-то. Голоса были злые, усталые. Такие голоса бывают у людей, которые работают вместе двадцать лет и знают друг о друге всё.

— Я тебе говорю, контакт окисляется, — сказал один. — Это не норма. Это с куполом что-то.

— С куполом всегда что-то, — ответил второй. — Двадцать лет с куполом что-то. И ничего. Стоит.

— Стоит, пока не рухнет.

— Не каркай. Хранительница слышит.

— Пусть слышит. Я правду говорю. Ты сам видел — третья линия за неделю. Третья. Раньше такого не было.

— Раньше и нас не было. Раньше вообще ничего не было. Раньше мы все были мёртвые.

Дмитрий прошёл мимо. Рабочие замолчали, когда он поравнялся с ними. Кивнули. Он кивнул в ответ. И пошёл дальше. Но слова остались. Третья линия за неделю. Раньше такого не было. Он и сам это знал. Он и сам это видел.

— Дмитрий!

Он обернулся. К нему шла девочка — четырнадцать лет, тонкая, в сером комбинезоне подростка, с растрёпанными тёмными волосами и слишком большими глазами. Аня. Его дочь.

Внутри что-то сжалось и одновременно отпустило, как мышца, которую он держал напряжённой всю ночь. Каждое утро — одно и то же. Каждое утро он видел её и каждый раз

не мог поверить, что она есть.

— Ты рано, — сказал он.

— Не спалось, — она пожала плечами. — Опять купол трещал. Я слышала.

— Все слышали.

— Но ты слышал сильнее, — она посмотрела на него внимательно, и в этом взгляде было что-то, от чего ему стало не по себе. Что-то взрослое. Что-то очень старое. — Ты всегда слышишь сильнее, пап. Почему?

— Не знаю.

— А хотел бы знать?

Он не ответил. Она улыбнулась — уголком губ, невесело.

— Я хотела тебе показать, — она вытащила из кармана маленький экран, потёртый, с трещиной по углу. Такие выдавали подросткам для учёбы и полагалось сдавать в конце дня. У Ани он был всегда. Дмитрий не спрашивал почему — боялся ответа. — Смотри.

На экране был рисунок: тёмная комната, окно, а за окном — фигура. Человекоподобная, высокая, с длинными руками, стоящая вплотную к стеклу и смотрящая внутрь. У фигуры не было лица, но было что-то хуже лица — то, как она стояла. Терпеливо. Будто ждала очень давно и готова ждать ещё.

— Что это? — спросил Дмитрий, и голос прозвучал глухо.

— Это то, что я вижу, когда закрываю глаза, — сказала Аня. — Каждую ночь. Оно стоит и ждёт. Не подходит. Не уходит. Просто стоит.

— Это просто сон. Всем снятся плохие сны. Здесь у всех плохие сны.

— Тебе тоже?

Пауза.

— Мне тоже.

— И оно тоже стоит за стеклом?

— Да.

— И ты тоже его видишь?

— Да.

Аня кивнула, будто знала. Будто проверяла то, что уже знала наверняка.

— Я думала, — сказала она. — Я думала, ты тоже. Ты единственный, кто тоже.

Он хотел сказать что-то ещё — что это пройдёт, что не нужно бояться, что Хранительница защитит. Открыл рот. И ничего не сказал. Врать ей было нельзя. Он не знал почему, но врать ей было нельзя.

— Пап, — сказала она вдруг. — А помнишь, как мы в прошлом году делали снег? Из бумаги? Ты обещал, что мы сделаем ещё. Но не сделали.

Он посмотрел на неё. Она улыбалась — легко, тепло. Как будто не было ни рисунка, ни фигуры, ни страха. Просто девочка. Просто дочь. Просто утро.

— Помню, — сказал он.

— Сделаем сегодня? Вечером?

— Сделаем.

Она кивнула. И в этот момент — в это самое мгновение — она была настоящей. Не кодом. Не проекцией. Не частью системы. Просто девочкой. Которая хотела снег из бумаги. Которая хотела, чтобы отец сдержал обещание. Которая хотела, чтобы всё было хорошо.

Третий звонок прозвучал по всему уровню — три ровных удара, без эха. Аня убрала экран и побежала. Дмитрий остался стоять, глядя ей вслед. В груди было холодно, как за куполом.

Смена была обычной. Сектор Д-семь — оптоволоконные линии от купола к городским ядрам. Дмитрий ползал по кабельным лоткам, проверял соединения, заменял разъёмы. Работа механическая, и это ему нравилось — в ней не нужно было думать.

Думать было больно. Последние недели чем больше он думал, тем сильнее чувствовал, что в голове что-то не так. Будто под поверхностью мыслей лежал второй слой — огромный, тёмный, шевелящийся. Иногда он прорывался снами, иногда — вспышками: трещины на потолке, рисунок, кото-

рый он помнил, но не мог вспомнить откуда. Кубик в руке. Белый халат. Кофе у окна.

В обеденный перерыв он спустился в столовую — длинный зал на минус втором уровне, где пахло варёной крупой и хлоркой. Рабочие сидели за длинными столами, ели из одинаковых мисок, говорили вполголоса. Дмитрий взял свою порцию — каша, хлеб, вода — и сел в углу.

За соседним столом говорили о трещинах.

— Говорят, на северной стене уже видно, — сказал кто-то. — Сквозь купол.

— Врут.

— Не врут. Мой брат там работает. Говорит, дырка с кулак. И растёт.

— И что Хранительница?

— Молчит. Как всегда.

— Может, оно и к лучшему. Может, пусть рухнет. Может, там — лучше.

— Там — Мрак. Ты видел Мрак?

— Все видели Мрак. Каждую ночь. В окно.

— Не в окно. Вблизи. Ты видел его вблизи?

Пауза. Долгая. Потом первый сказал:

— Нет. И не хочу.

Дмитрий ел кашу и слушал. И думал: а я видел. Не вблизи. Но видел. Каждую ночь. Во сне. И он смотрела на меня. И я не боялся.

Он не сказал этого вслух. Никому. Потому что, если сказать — Хранительница услышит. А если Хранительница услышит — будет плохо.

После обеда он вернулся на сектор. Проверил ещё три разъёма. Все три — окисленные. Все три — за неделю. Он выругался про себя и записал в журнал. И в этот момент услышал шаги за спиной.

— Каверин.

Голос ровный, женский, без интонаций. Дмитрий замер,

ПОТОМ ВЫЛЕЗ ИЗ ЛОТКА.

Хранительница стояла в трёх метрах от него.

Он видел её только на экранах — высокое, чуть размытое изображение, белые одежды, спокойное лицо. Вблизи она выглядела так же — слишком правильно, слишком симметрично, как статуя. Но глаза у неё были живые. И они смотрели на него так, будто знали что-то, чего не знал он.

— Здравствуйте, — сказал Дмитрий. Во рту пересохло.

— Вы задержались вчера на четыре минуты сорок секунд. Это незначительно. Но я хотела спросить: почему?

— Проверял контакт. Он был плохой.

— Контакт был в норме. Мы проверяли.

Пауза. Долгая. Она смотрела на него, и он чувствовал, как под этим взглядом мысли становятся медленными, тягучими, будто их кто-то перебирает.

— Мне показалось, — сказал Дмитрий.

— Вам часто кажется, — сказала она, и в голосе не было

ни укора, ни угрозы — только констатация, от которой становилось холоднее, чем от угрозы. — Вы видите трещины, которых нет. Вы слышите вибрации, которых не существует. Вы чувствуете Мрак, хотя купол непроницаем. Это... — она помолчала, подбирая слово. — Настораживает.

— Я ремонтник. Мне положено замечать неисправности.

— Неисправности — да. Но не то, что за куполом.

Она шагнула ближе. От неё не пахло ничем — ни духами, ни потом, ни пылью. Будто она была не совсем здесь. Будто её здесь не было вовсе, а он разговаривал с воздухом, который притворялся женщиной.

— Дмитрий, — сказала она тихо. — Ты помнишь, кто ты?

Он посмотрел ей в глаза. И в этот момент — короткий, как разрыв между двумя кадрами, — он увидел её другой. Молодой, с распущенными волосами, в белом халате, смеющейся. Она стояла у окна с чашкой кофе и смотрела на него. Ирочка, сказал он, или почти сказал, и это было так знакомо, что перехватило дыхание.

— Я ремонтник, — сказал он вслух. — Гражданин Каверин, сектор Д.

Хранительница молчала долго. Очень долго. Так долго, что он начал слышать собственное сердце. И в этом молчании — в этой паузе — он вдруг увидел: она смотрит на него. Не как на гражданина. Не как на ремонтника. А как на человека, которого знала. Давно. Давно и хорошо.

Она подняла руку. Медленно. Будто хотела дотронуться. Будто хотела коснуться его лица. И остановилась. Замерла. И опустила.

— Да, — сказала она наконец. — Ты ремонтник.

Она повернулась и пошла прочь — белые одежды, ровный шаг, ни звука. Но у самой двери — за секунду до того, как исчезнуть, — она замерла. На мгновение. На одно короткое, почти незаметное мгновение. Будто хотела обернуться. Будто хотела что-то сказать. Будто хотела остаться.

И не обернулась. И не сказала. И не осталась.

Дмитрий стоял, глядя ей вслед. Сердце колотилось так, как не колотилось уже много лет. И в голове, под поверхностью мыслей, что-то шевельнулось. Медленно. Как Тьма за куполом.

— Дмитрий.

Он обернулся. Из-за угла вышел Олег — высокий, сутулый, с седой бородой и лицом человека, который давно не спит. Коллега. Друг. Единственный в Новограде, с кем Дмитрий говорил больше двух слов.

— Ты что-то бледный, — сказал Олег. — Хранительница?

— Да.

— Что хотела?

— Спрашивала, кто я.

Олег замер. Потом медленно, очень медленно, оглянулся — на трубы, на кабели, на пустой коридор — и сказал почти шёпотом:

— И что ты ответил?

— Что я ремонтник.

— Хорошо, — сказал Олег. — Это... хорошо.

Он не смотрел Дмитрию в глаза, и это было хуже всего.

— Олег. Что происходит?

— Ничего.

— Не ври мне. Ты знаешь что-то. Ты знаешь, почему она приходит ко мне. Ты знаешь, почему купол трещит. Ты знаешь, почему я вижу то, чего не видит никто. И ты знаешь, что это за фигура за стеклом.

Олег молчал. Лицо его было серым, как стены вокруг.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я помню. Это не одно и то же. Помнить — это как держать в руках воду. Она утекает, и ты даже не замечаешь, как.

— Тогда скажи мне то, что помнишь.

— Не здесь.

Он достал из кармана маленький металлический предмет — кубик, потёртый, без граней, гладкий. Покрутил в пальцах. Дмитрий смотрел на этот кубик и чувствовал, что знает его. Что когда-то этот кубик был в его руке. Что он сам его сделал.

— Что это? — спросил он. Голос сорвался.

— Ты знаешь что.

— Нет.

— Знаешь. Просто не помнишь, что знаешь.

— Олег, я не понимаю...

— И не надо. Пока не надо. — Он убрал кубик. — Завтра. После смены. Не здесь. У старого водозабора на северной стене. Приходи один.

— Олег, что...

— Один, — повторил Олег. — Если придёшь не один — не приходи вовсе. Ты понял?

— Понял.

— И ещё. — Олег шагнул ближе, так близко, что Дмитрий почувствовал запах его дыхания — старый, кислый, живой. — Не смотри в окна. Не считай трещины. Не слушай купол. Заблокируй это. Хотя бы до завтра.

— Почему?

— Потому что она смотрит. Всегда смотрит. И если она увидит, что ты видишь... — он не договорил. — Просто не смотри.

Он пошёл прочь, не оборачиваясь. Дмитрий стоял в пустом коридоре. Купол над ним трещал — тихо, настойчиво, будто кто-то очень терпеливый царапал стекло с той стороны.

Домой он вернулся поздно. Аня ждала его за столом — маленькая кухня, две конфорки, миска с кашей, две ложки. Она не ела, пока он не придёт. Это была их маленькая традиция, и сегодня она почему-то сжала ему горло.

— Ты долго, — сказала Аня.

— Работы много.

— Ты каждый день говоришь, что работы много.

— Потому что её каждый день много.

Они ели молча. Каша была тёплая, пресная — как всё здесь. Дмитрий смотрел на дочь и думал: она настоящая. Что бы там ни говорила Хранительница, что бы ни лежало под его мыслями, — вот эта девочка, с её большими глазами и растрёпанными волосами, вот она настоящая. Он поставил бы на это всё.

— Пап, — сказала Аня.

— М?

— А что за куполом?

Он отложил ложку.

— Мрак.

— Я знаю, что Мрак. А что за ней?

— Тоже Мрак. До конца мира.

— А что за концом мира?

Он посмотрел на неё. Она смотрела на него — серьёзно, без улыбки. И в глазах у неё было что-то, от чего похолодело внутри. Что-то очень старое. Что-то очень спокойное. Что-

то, чего не должно быть у четырнадцатилетней девочки.

— Не знаю, — сказал он. — Никто не знает.

— А ты хотел бы узнать?

— Нет, — сказал он, и сам удивился, как твёрдо это прозвучало. — Нет. Я хотел бы, чтобы мы были здесь, и всё. Чтобы ты была здесь. Чтобы ничего не менялось.

Аня кивнула. Потом встала, обошла стол, обняла его — крепко, по-детски, уткнувшись лицом в плечо. Он обнял её в ответ.

— Я тебя люблю, — сказала она в плечо.

— И я тебя.

— Я знаю, — сказала она. — Ты меня создал.

Он замер. Руки похолодели. В груди что-то сжалось — медленно, как кулак.

— Что ты сказала?

Она отстранилась. Посмотрела на него. И в глазах у неё

было что-то, чего он раньше не видел. Что-то очень старое. Что-то очень спокойное. Что-то, что знало ответ на все вопросы и молчало.

— Я пошутила, — сказала она. — Глупая шутка.

Она улыбнулась. Той самой улыбкой. От которой всегда тепло внутри. Он улыбнулся в ответ. Они пошли спать. Он лёг в капсулу, и потолок над ним трещал, и он считал трещины, и их было уже слишком много.

Он заснул.

И во сне Мрак посмотрела на него в ответ.

Он стоял за стеклом — высокий, с длинными руками, — и смотрел. И Дмитрий смотрел на него, и в этот раз он не боялся. Потому что во сне он знал то, чего не знал наяву.

Он знал, что это не Мрак пришла к нему.

Это он пришёл к Мраку.

И где-то очень далеко — за куполом, за мраком, за концом мира — женщина в белом халате оторвала взгляд от монитора и посмотрела в темноту комнаты. На экране перед

ней пульсировала тонкая линия. Рядом мигал жёлтый индикатор.

— Он просыпается, — сказала она вслух. Никому.

Индикатор мигнул ещё раз и погас.

Глава 2. Водозабор

Северная стена была краем мира.

Дмитрий понял это, ещё когда поднимался по лестнице — длинной, винтовой, вырубленной прямо в теле стены. Ступени были стёрты, будто по ним ходили миллион лет. Перила — холодный металл, покрытый инеем, хотя никакого инея в Новограде быть не могло: температура внутри купола держалась ровно, как в морге. Иней был не из воды. Иней был из страха. Дмитрий где-то это слышал. Не помнил где. И от этого «не помнил» по спине ползло что-то холодное, как чужая рука.

Он поднимался в темноте. Свет тут не горел — северная стена считалась мёртвой зоной, и Хранительница экономила на ней особенно. Только редкие аварийные лампы — красные, тусклые — мигали под потолком, и от их мигания по стенам ползли тени. Тени были неправильные. Слишком длинные. Слишком живые. Иногда они двигались не в такт миганию лампы. Иногда двигались, когда лампа не мигала вовсе.

Дмитрий старался на них не смотреть. И всё равно смот-

рел.

На середине лестницы он слышал шаги за спиной. Не свои. Чужие. Медленные. Ровные. Он остановился. Обернулся. Никого. Только тени. Только красный свет. Только тишина. Он пошёл дальше. Шаги вернулись. Он снова обернулся. Снова никого. И тогда он понял: шаги — не за спиной. Шаги — внутри. В голове. В том втором слое, который шевелился под мыслями. Кто-то шёл там. Внутри него. Медленно. Ровно. Как хозяин.

Он стиснул зубы и продолжил подъём.

Наверху лестница вывела его в круглый зал — старый, заброшенный, с обвалившимся потолком. Сквозь дыру в куполе зала виднелся главный купол — чёрный, огромный, весь в трещинах. Отсюда, с северной стены, трещины были видны особенно хорошо. Дмитрий остановился и посмотрел вверх.

Купол трещал. По-настоящему. Не так, как в его капсуле — глухо, изнутри, — а снаружи, открыто. Чёрное стекло покрывала сетка разломов, и в некоторые разломы сочился мрак — тонкими струйками, как дым из щелей. Мрак не входил внутрь. Пока не входил. Но он пробовал. Он проверял. Он искал слабые места — терпеливо, методично, как вода, которая капает на камень. Как тот, кто знает, что камень ко-

гда-нибудь кончится.

— Долго ты.

Голос Олега прозвучал из темноты у дальнего края зала. Дмитрий обернулся. Олег сидел на обломке бетона, сгорбившись, и в руке у него был тот самый кубик — гладкий, потёртый, без граней. Он крутил его в пальцах, и кубик ловил редкий красный свет, и в этом свете казался чем-то живым. Чем-то, что дышит. Чем-то, что ждёт.

— Я думал, ты не придёшь, — сказал Олег.

— Я пришёл.

— Один?

— Один. Как ты сказал.

— Хорошо. — Олег встал. Подошёл ближе. — Хорошо.

Он выглядел хуже, чем днём. Лицо серое, глаза ввалились, руки дрожали — не от холода, от чего-то другого. Будто он всю ночь не спал и всю ночь что-то решал. Будто он стоял перед выбором, который не хотел делать.

— Садись, — сказал он. — Разговор будет долгий.

Дмитрий не сел. Он стоял и смотрел на кубик в руке Олега.

— Что это?

— Ты правда не помнишь?

— Нет.

— А если я скажу, что ты сам его сделал?

— Не помню.

Олег усмехнулся — криво, без веселья.

— Ты его сделал в тот день, когда мы запустили Тартар.

Дмитрий молчал. Слово — Тартар — ударило куда-то вглубь, в тот второй слой под мыслями, и там что-то отозвалось. Глухо. Как эхо в пустом зале. Как голос, который зовёт тебя из глубокого колодца, и ты не знаешь, твой это голос или чужой.

— Что такое Тартар? — спросил он.

— То, в чём ты живёшь. То, в чём мы все живём. То, что ты построил. Сядь, — повторил Олег. — Пожалуйста. Я не могу говорить, когда ты стоишь и смотришь на меня так.

Дмитрий сел. На тот же обломок бетона, рядом. В зале было холодно — по-настоящему холодно, не как в жилом секторе. Здесь, на мёртвой зоне, чувствовалось, что купол не греет. Что купол только держит. Что за ним — вечная мерзлота мрака.

— Сколько ты помнишь? — спросил Олег.

— Всё. — Дмитрий пожал плечами. — Родился в Новограде. Учился. Работал. Женился... — он запнулся. — Нет. Не женился. У меня есть Аня. Дочь. Жены нет. Я не помню жены.

— Правильно не помнишь. Потому что её здесь нет.

— Она умерла?

— Нет. Она никогда здесь не была. — Олег помолчал. — Аня тоже здесь не родилась.

Дмитрий посмотрел на него. В груди что-то сжалось —

медленно, как кулак.

— Что это значит?

— Это значит, что всё, что ты помнишь, — не твоё. Тебе это записали. Как программу. Как файл. — Олег говорил тихо, ровно, будто читал по бумаге. — Ты не родился в Новограде. Ты не учился здесь. Ты не работал ремонтником. Ты — архитектор. Ты построил этот мир. И потом вошёл в него сам.

— Зачем?

— Затем, что так было надо.

— Кому?

Олег не ответил. Он смотрел на кубик в руке.

— Олег. Кому было надо? Кто меня сюда отправил?

— Ты сам.

— Почему?

— Потому что был проект. — Олег поднял глаза. — Тар-

тар. Убежище. Мы строили его для людей — для тех, кто выжил. После того, что случилось снаружи. Ты был главным. Ты придумал архитектуру. Ты придумал, как загружать сознание. Ты придумал правила. А потом... — он запнулся. — Потом что-то пошло не так.

— Что пошло не так?

— Ты вошёл. — Олег смотрел на него в упор. — Ты не должен был входить. Ты должен был остаться снаружи — управлять, следить, держать систему. Но ты вошёл. Загрузил себя в Тартар и заблокировал свою память. Ты хотел жить здесь. С ней.

— С кем?

— С Аней.

Пауза. Долгая. В зале было слышно, как где-то капает вода — ровно, терпеливо, как метроном. Как отсчёт. Как что-то, что приближается.

— Аня, — сказал Дмитрий. — Она настоящая?

— Настоящая. В том смысле, в каком здесь всё настоящее. Она — код. Как ты. Как я. Как все в этом городе. Но она

живая. Она чувствует. Она думает. Она любит тебя. Это не делает её менее реальной.

— А в реальности? — Дмитрий услышал свой голос, как чужой. — Там у меня есть дочь?

Олег молчал. Слишком долго. Достаточно долго, чтобы Дмитрий понял: здесь что-то есть. Что-то, что Олег не хочет говорить.

— Олег. Там у меня есть дочь?

— Там у тебя есть жена. И есть проект. И есть выбор, который ты сделал. А дочь... — он покачал головой. — Я не знаю, что там с дочерью. Я не помню реальность. Я помню только Тартар. Я вошёл сюда раньше тебя и застрял. Как и все мы.

— Все?

— Все, кто здесь. — Олег обвёл рукой зал, стены, купол. — Каждый человек в Новограде — это сознание, загруженное в систему. Тела в реальности в криокапсулах. В бункерах. Мы не смогли их спасти — воздух снаружи убивает всё. Но мы смогли их сохранить. На время. Пока не найдём способ. Пока Тартар не станет достаточно сильным, чтобы вер-

нуть их. Если это вообще возможно.

— А те, кто в Тартаре? Они знают?

— Нет. Система не просто стирает память. Она внушает. Каждую ночь. Каждое утро. Она говорит им: «Это нормально. Это мир. Это жизнь. Не задавай вопросов». И они верят. Потому что не помнят другого. Потому что не знают, что бывает иначе. Потому что страх сильнее любопытства. Потому что купол — это всё, что они видели. Мрак — это всё, что они знают. Они не спрашивают, почему купол трещит. Они не спрашивают, почему за стеной тьма. Они не спрашивают, почему Хранительница говорит с ними голосом без интонаций. Они просто живут. Как жили всегда. Как будто, так и должно быть.

— А те, кто всё-таки спрашивает?

Олег помолчал. Посмотрел на исключенных людей на тротуарах. На женщину с ребёнком. На старуху. На парня-курьера.

— Их исключают, — сказал он. — Как сегодня. Как всех этих людей. Хранительница не убивает их. Она просто останавливает. Замораживает. Отправляет в глубокий сон. Они видят, слышат, ходят. Но они не здесь. Они где-то внутри.

Где-то, где нет вопросов. Где-то, где нет боли. Где-то, где они просто живут. И не задают вопросов.

Он замолчал. Смотрел на площадь. На людей. На мрак.

— Я видел это, — сказал он. — Много раз. Двадцать лет. Кто-то спрашивает. Кто-то хочет знать. Кто-то пытается выйти за купол. И Хранительница приходит. И человек замирает. И больше никогда не спрашивает. И никто не спрашивает про него. Потому что никто не помнит. Потому что у всех стёрта память.

— И все молчат? — спросил Дмитрий.

— Все молчат. Потому что все боятся. Потому что все видели. Потому что один раз — Олег тяжело выдохнул и продолжил — один раз кто-то спросил. Громко. При всех. На площади. И Хранительница пришла. И человек замер. И все смотрели. И все запомнили. Не то, что он сказал. А то, что с ним стало. И с тех пор — никто не спрашивает. Никто не хочет знать. Потому что знать — страшно. А жить — привычно. Даже в клетке. Даже под куполом. Даже с Тьмой за стеной.

— А я?

— Ты — архитектор. Твой код — не как у всех. Ты писал систему. Ты вписал себя в неё. Твоё сознание — часть Тартара. Ты не просто живёшь в нём. Ты — его сердце. И поэтому ты видишь то, чего не видят другие. Ты видишь трещины. Ты слышишь купол. Ты чувствуешь Мрак. Потому что Тартар — это ты. И ты — это Тартар.

— Но я же был выключен, — сказал Дмитрий. — Я же не помнил. Я же был как все. Почему я видел?

— Потому что ты не был выключен до конца, — сказал Олег. — Ты заблокировал память. Но не восприятие. Память — это то, что было. Восприятие — это то, что есть. Ты забыл всё. Но ты не перестал видеть. Слышать. Чувствовать. Потому что это — не память. Это — код. Твой код. Код архитектора. Он встроен в тебя. Его нельзя заблокировать. Его нельзя стереть. Он — часть тебя. Всегда. Даже когда ты не помнишь себя. Даже когда ты думаешь, что ты — ремонтник. Ты видишь трещины. Ты слышишь купол. Ты чувствуешь Тьму. Потому что ты — архитектор. И ты — всегда архитектор. Даже когда ты забыл.

Дмитрий смотрел на него. В груди что-то сжалось — медленно, как кулак.

— Значит, я построил всё это. И запер здесь людей.

— Ты их спас.

— Я их запер.

— Ты их спас, — повторил Олег твёрдо. — Не путай. Снаружи нет жизни. Снаружи только то, что за куполом. Мы не знаем, что это. Но оно убивает всё, чего касается.

— А Мрак? — Дмитрий обернулся. — То, что за куполом. Это оно?

Олег помолчал. И в этом молчании Дмитрий вдруг услышал что-то — не звук, а ощущение. Будто зал стал теснее. Будто тени на стенах замерли и слушают.

— Это сложнее. Мрак — не часть Тартара. Он — то, что осталось от всех, кого мы загрузили. Их страхи. Их боль. Их вина. Когда сознание входит в систему — оно оставляет след. Тень. Эхо. Мы не знали этого. Мы думали, что загружаем только разум. Но мы загружали и это. Всё, что они прятали. Всё, что они ненавидели. Всё, что они боялись. Оно не исчезло. Оно осталось. Внутри. Как мусор. Как ошибка. Как то, что мы не хотели видеть.

— И оно стало Мраком.

— Да. Оно слилось. Миллион теней. Миллион страхов. Миллион болей. В одно. В одну сущность. Которая хочет только одного: вернуться. Домой. В реальность. В жизнь. В тело. Он не злой. Он просто голодный. Он просто хочет быть. Как все мы.

— И я его создал.

— Ты его вырастил. Не нарочно. Но всё равно. Ты дал ему имя. Ты дал ему голос. Ты впустил его в себя. Потому что он — часть системы. Часть Тартара. Часть тебя.

Дмитрий смотрел на кубик. Синий свет внутри пульсировал — медленно, ровно, как сердце.

— Что это? — спросил он. — Ты так и не сказал.

— Это ключ. Ты сделал его в первый день. Он открывает доступ к ядру. К твоей памяти. Ко всему, что ты заблокировал в себе. — Он протянул кубик Дмитрию. — Возьми.

Дмитрий не взял. Руки не поднимались.

— Если я возьму — что будет?

— Ты вспомнишь.

— И тогда?

— Тогда ты решишь.

— Что решу?

— Что делать с этим миром. И с собой. И с Аней. И с той, кто ждёт тебя снаружи.

— Кто ждёт меня снаружи?

Олег долго молчал. Потом сказал — очень тихо:

— Ты сам знаешь. Ты просто не разрешаешь себе знать.

Дмитрий смотрел на кубик. И вдруг — неожиданно для себя — спросил:

— Олег. Почему ты помогаешь мне?

Олег замер.

— Что?

— Почему ты помогаешь? Ты говоришь, что я всё это построил. Что я вошёл сюда сам. Что я заблокировал свою память. Значит, я хотел забыть. Значит, у меня была причина. А ты приходишь и говоришь: «Вспомни». Зачем? Тебе-то что с этого?

Олег молчал. Кубик в его руке мигнул — синим, потом красным, потом снова синим.

— Потому что я обещал, — сказал он наконец.

— Кому?

— Тебе.

— Мне?

— Тебе. — Олег смотрел на него, и в глазах у него было что-то странное — смесь вины и страха. — Ты попросил меня. Перед тем как войти. Ты сказал: «Если я забуду — напомни. Если я откажусь — заставь. Если я не смогу — сделай за меня».

— Сделай что?

Олег не ответил. Он смотрел на кубик, и кубик пульсиро-

вал, и в зале становилось всё холоднее. Холоднее, чем должно быть. Холоднее, чем могло быть.

— Олег. — Дмитрий медленно. — Что ты должен сделать за меня?

— То, что ты сам не сможешь. Когда вспомнишь. Когда поймёшь, что это единственный выход.

— Что — единственный выход?

— Ты поймёшь.

— Олег.

— Ты поймёшь, — повторил Олег, и голос его сорвался. — Я не могу сказать. Это не мои слова. Это твои. Ты сам себе запретил их говорить. Ты сам себя запер. И если я скажу раньше времени — ты не поверишь. Ты оттолкнёшь. И всё будет напрасно.

Дмитрий смотрел на него. И в этот момент он понял, что Олег боится. По-настоящему боится. Не Мрака. Не Хранительницы. Не купола. Его. Дмитрия. Того, что Дмитрий вспомнит. Того, что Дмитрий сделает, когда вспомнит.

— Ты боишься меня, — сказал он.

Олег не ответил. Но по лицу его было видно — да. Боится.

— Почему?

— Потому что я знаю, что ты сделаешь. Я знаю, что ты задумал. Ещё тогда. До того, как вошёл. И это... — он за-
пнулся. — Это страшно, Дмитрий. То, что ты задумал, —
страшно. Но, может быть, это единственный способ.

— Какой способ? Для чего?

— Для того, чтобы всё это закончилось.

Дмитрий смотрел на него. Долго. Потом спросил — тихо,
почти шёпотом:

— Олег. Почему ты согласился?

— На что?

— На всё. Держать обещание. Следить за мной. Быть
здесь. Двадцать лет. Почему?

Олег молчал. Долго. Потом сказал:

— Потому что у меня никого не было.

Дмитрий замер.

— У тебя была жена. У тебя была Аня. У тебя был проект. У тебя была цель. У тебя было всё. А у меня — ничего. Я был никем. Обычным инженером. Обычным человеком. Без семьи. Без детей. Без смысла. Я вошёл в Тартар, потому что не знал, зачем жить снаружи. Я думал: буду помогать. Буду нужен. Буду частью чего-то большего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.